

Понятия о советском в Центральной Азии

**Альманах
Штаба**

WTA PRESS

УДК 94 (47)

ББК 63.3 (2)

П56



**ROSA
LUXEMBURG
STIFTUNG**
ФИЛИАЛ В МОСКВЕ

Издание осуществлено при поддержке

Фонда Розы Люксембург.

Издание не предназначено для продажи

и распространяется бесплатно.

П56: Понятия о советском в Центральной Азии:

Альманах Штаба № 2: Центральноазиатское художественно-

теоретическое издание / Сост. и ред. Г. Мамедов, О. Шаталова.

Бишкек: Штаб-Press, 2016. 578 с.

ISBN 978-9967-28-261-2

Во втором выпуске альманаха Штаба (Школы творческой актуализации будущего) представлены итоги работы институции за два года (2015-2016), а именно результаты большого проекта «Понятия о советском в Центральной Азии», включавшего три международных симпозиума. Их сверхзадачей была выработка «диалектически емкого» языка для осмысления советского, – понятийного инструментария, который схватывал бы как эмансипационное, так и репрессивное советского проекта, и учитывал его локальные проявления. Альманах в соответствии с темами симпозиумов разбит на три раздела – «Колониальный вопрос», «Гендерный порядок» и «Коммунистические обещания» и включает тексты исследовательниц и исследователей из Кыргызстана, Казахстана, Беларуси и России. Среди предлагаемых и актуализируемых авторками и авторами понятий – «радикальный социальный конструктивизм», «колониальная революция», «Трансоксиана», «советское как травма рождения субъективности», «советская женщина», «трансмаскулинность», «страдание по-советски», «коммунистические обещания» и др.



П0503020000-16

УДК 94 (47)

ISBN 978-9967-28-261-2

ББК 63.3 (2)

Альманах Штаба № 2

Центральноазиатское
художественно-теоретическое
издание

Понятия о советском в Центральной Азии

Редакторы-составители:

Георгий Мамедов, Оксана Шаталова

Бишкек, 2016

Штаб-Press

Содержание

Г. Мамедов, О. Шаталова От редакторов. Как мы понимаем советское	8
--	---

I. Колониальный вопрос

С. Абашин Советское = колониальное? (За и против)	28
---	----

А. Чокобаева Красные кыргызы: советская историография восстания 1916 года	50
---	----

Креольский центр Истории Трансоксианы: креольность, композиционизм, трансфеминизм	76
---	----

Н. Багдасарова Личность. Общее. Общение. Прогрессивная философия советской периферии	130
--	-----

II. Гендерный порядок

- Т. Щурко
**«Женщина Востока»:
советский гендерный
порядок в Центральной
Азии между колонизацией
и эмансипацией** _____ 178
- А. Молдошева
**«Наберитесь храбрости
и прочтите все!». Переписка
работниц женотделов
Кыргызстана 1920-х гг.** _____ 210
- Д. Кудайбергенова
**Кем была «Советская
Женщина»? По материалам
дореволюционной
и советской казахской
литературы** _____ 270
- Н. Плунгян
**«Советская женщина»
и политический потенциал
трансмаскулинности
в довоенной визуальной
культуре** _____ 294
- О. Шаталова
**Светлое прошлое: фантазм
дефамилизации в советской
фантастике 1950-1970-х гг.** _____ 338

III. Коммунистические обещания

Г. Мамедов

**Исследовать советское
политически.**

Коммунистические обещания ————— 380

М. Кербиков

**Мечты о будущем:
по материалам ярославской
региональной прессы 1960-х гг.**

————— 406

М. Суяркулова

**Передовая периферия:
фрунзенское ОКБ ИКИ как
«закономерная случайность»
позднесоветского развития**

————— 434

М. Мыльников

**Утопия советского
экологического проекта
и «зелёный» коммунизм**

————— 466

Н. Багдасарова

**«Советские страдания», или
о феноменологии советской
субъективности**

————— 504

Об авторах	_____	532
Кыскача маалымат	_____	538
Авторлор жөнүндө	_____	552
Summary	_____	560
Contributors	_____	572

Советское = колониальное? (За и против)

7 февраля 1992 года, спустя всего полтора месяца после официального исчезновения СССР, востоковед и политолог Альгес Празиускас опубликовал в «Независимой газете» статью «СНГ как постколониальное пространство». Он писал: «Канувший в Лету «Союз нерушимый республик свободных», несомненно, был образованием имперского типа. СССР силой и посредством тотального контроля удерживал вместе разноплеменной мир, своеобразный евразийский паноптикум народов, не имевших между собой ничего общего, кроме родовых свойств *Homo sapiens* и искусственно созданных бедствий. Подобно другим империям, в Союзе сложились

мощные имперские структуры, идеология, система квазисословного неравенства. Российское ядро империи отнюдь не процветало, но это обстоятельство не уникально в истории империй: в прошлом сходную участь разделили Испания, Португалия, Анатолия». Для автора, который профессионально изучал колониальные и постколониальные страны мира, было, видимо, несложно и даже удобно перенести свои знания и концептуальный язык (к слову, совершенно советский и официально-марксистский) на ситуацию в СССР. Однако то, что было легко сделать востоковеду, совсем не так просто сделать специалистам по советскому обществу. Вопрос о связи колониальности и советскости существует уже давно, время от времени появляются высказывания, в которых между этими двумя сущностями ставится знак равенства, но консенсуса по данному поводу нет, и многие учёные — не только в России — либо избегают употреблять слово «колониальный», либо даже активно отрицают колониальный характер СССР.

Противоречивое отношение к советскому как колониальному во многом объясняется тем, что вопрос об имперской природе СССР являлся и по-прежнему является элементом политики. С самого начала существования советского государства его внешние и внутренние противники/критики использовали отсылку к колониальности как инструмент борьбы и делегитимации режима. Особенно эта риторика усилилась в 1970-80-е годы, когда геополитические противники, формально избавившись от собственных колоний, всё чаще стали обращать внимание на советские окраины, в том числе «мусульманские регионы». В свою очередь в самом СССР прилагались самые разнообразные усилия, чтобы доказать неколониальный и даже антиколониальный характер страны и общества. Эта тема была популярна в 1920-е и начале 1930-х гг., когда для власти было важно про-

вести разделение между досоветским как колониальным и советским как антиколониальным. Всплеск был и в 1950-е гг., когда на волне распада мировых империй антиколониальная риторика стала инструментом приобретения новых союзников в «холодной войне».

После распада СССР данный спор, как ни странно, не утих, а продолжился. Российские власти, которые по сути дела сами инициировали ликвидацию советского строя, тем не менее, решили выстраивать свою легитимность не на идее «нового государства», а на идее преемственности как от СССР, так и от Российской империи. С другой стороны, внешние критики постсоветского российского режима воспользовались прежними ярлыками «империи» и «колониализма», чтобы политизировать явные или мнимые расколы внутри российского общества и расколы между Россией и её прежними сореспубликами. И хотя СССР исчез, а нынешняя Россия не имеет с ним ничего общего в своей идеологии, тема советскости остаётся сильно политически и эмоционально окрашенной.

Но дело не сводится только к внешним недоброжелателям. Сам распад СССР и изнутри происходил с критикой советского, — в том числе многие меньшинства и союзные республики использовали критику тоталитаризма, чтобы легитимировать через травму репрессий или эксплуатации требования сначала более высокого уровня автономии, а потом и полного суверенитета. Отчасти словарь этой критики был заимствован из зарубежной советологии, а отчасти происходил из унаследованной советской антиколониальной риторики, просто теперь обращённой внутрь. После распада СССР осуждение советского прошлого осталось в постсоветских странах важным, хотя и в разной степени, элементом идеологии и настроений.

Разговор о советском как колониальном было бы неправильно, однако, сводить исключительно к полити-

ческому и геополитическому объяснению. Это сильно упрощало бы ситуацию. Существует еще и состояние историографии, которое имеет свои особенности. Распад СССР привёл к тому, что была поколеблена идея какой-то особенности советского опыта и были девальвированы аргументы, доказывающие этот, казалось бы, недавно бесспорный факт. Учёные, которые изучали советскую историю — и зарубежные, и российские, — попытались включить её в общемировой исторический контекст, причём эта нормализация советскости часто имела не столько критический, сколько сочувственный посыл. При этом ближайшим аналогом СССР оказались большие европейские империи — между ними стало очень удобно проводить параллели. К тому же распад страны пришёлся на время критики разнообразных гегемоний и расцвета, например, постколониальных исследований, которые неизбежно перетекали в постсоветское пространство в качестве «новых» и «модных» идей.

Если всё-таки отвлечься, насколько это возможно, от политического фона дискуссии и попытаться систематизировать аргументы за и против, то насколько термин «колониальный» мог бы быть полезен в разговоре о СССР, в частности о советской Средней Азии (сюда я не включаю Казахстан, чтобы чуть упростить рассуждения)?

Чтобы не углубляться далеко в теоретическое обсуждение, что считать колониальностью, дадим ему самое простое и самое общедоступное определение, взятое из русскоязычной и англоязычной Википедии: «Колониальная политика – это политика завоевания и, зачастую, эксплуатации военными, политическими и экономическими методами народов, стран и территорий преимущественно с инациональным населением, как правило, экономически менее развитых»; «Колониализм — это основание, эксплуатация, поддержание, приобретение и расширение колонии на одной территории политической властью с другой террито-

рии. Это совокупность неравных отношений между колониальной властью и колонией и часто между колонистами и местным населением». Оба определения концентрируются на неравенстве между регионами, причём акцент делается на завоевании, политических правах и экономической эксплуатации. Попробуем в самом первом приближении проверить, насколько эти положения можно применить к СССР. При этом набор признаков я расширю и добавлю к ним социальную сферу, культуру и идентичность.

Итак, посмотрим в режиме блиц на все эти аспекты:

Было ли завоевание?

Вхождение Средней Азии в состав СССР мирным никак не назовёшь. Бывшее Туркестанское генерал-губернаторство пережило многолетнюю войну, которая интенсивно развернулась после нанесения военного поражения Туркестанской (Кокандской) автономии, объявленной «туземными» партиями и политическими лидерами в 1918 г. В 1920 г. военным же путём были фактически заново завоёваны Бухара и Хива, которые в 1924 г. формально потеряли статус самостоятельных государств и вошли в состав Советского Союза. Боевые действия с участием регулярных войск продолжались по всей территории региона до 1923 г., но на этом вооружённое противостояние не закончилось. Последнее крупное военное столкновение случилось в 1931 г., когда отряд повстанцев, до этого отступивший под натиском Красной армии в Афганистан, вторгся в южные районы Таджикистана и был разгромлен. Всё это известно как «борьба с басмачеством».

К этой сугубо военной истории надо добавить репрессивную политику в отношении местной политической элиты, сначала имперского периода, а потом и совет-

ского тоже. Под предлогами поиска заговоров и борьбы с национализмом были сняты с должностей, подвергнуты арестам и высылкам, посажены в тюрьмы и расстреляны многие видные политические лидеры и их близкие. В каком-то смысле это тоже можно считать формой насильственного удержания региона под контролем Москвы-Центра.

Но так ли всё однозначно? Попробуем найти аргументы против. Первый — линия противостояния в этой истории не пролегла строго по культурному признаку «приезжие» и «туземные». Во всех событиях того времени местные жители были по обе стороны баррикад. Среднеазиатское общество и его элита, как и российские, были расколоты даже не на две, а на множество фракций, классов, партий и группировок, которые боролись за свои интересы. Против «басмачей» воевали многие простые люди, выходцы из разных «туземных» слоёв интеллигенции и крестьян. Многие из среднеазиатских лидеров заключали альянсы с советской властью, надеясь достичь своих целей, встраивались в советскую политическую и административную систему и сами часто выступали в роли тех, кто преследует и репрессирует противников Советов. Да, многие из тех, кто вступил в эти союзы, сами позже оказались низвергнутыми, но остаётся фактом, что на каких-то предыдущих этапах своей биографии эти люди тоже боролись на стороне большевиков. В свою очередь движение антисоветского сопротивления состояло далеко не только из местного населения, на его стороне были и выходцы из Центральной России, достаточно вспомнить Крестьянскую армию, которая в 1918-1920-е годы воевала против большевиков в Ферганской долине.

Второй аргумент заключается в том, что интенсивные военные действия и репрессии приходятся в основном на раннесоветское время. Если смотреть на постсталин-

ский период 1950-1970-х гг., то ничего подобного мы уже не видим. Никаких восстаний, попыток вооружённых мятежей, массовой политической оппозиции — ничего, в отличие, допустим, от Британской Индии и Французского Алжира. Прекратились и политические чистки. Наоборот, у власти в среднеазиатских республиках на целые десятилетия встали местные руководители, которые по соглашению с Москвой-Центром получили достаточно высокую степень автономии в решении внутренних дел, при сохранении, конечно, полной лояльности к базовым советским принципам. К репрессиям иногда причисляют «хлопковое дело» в Узбекистане в середине 1980-х гг., что, возможно, отчасти верно, так как в нём было явное желание Москвы-Центра восстановить и усилить свой контроль над тем, что происходило в регионе. Но даже эти события воспринимались не в терминах политического противостояния и политических обвинений, как это было в 1920-1930-е годы; а наказанных заменяли местными же кадрами. И опять же это не имело исключительно культурной подоплёки, поскольку точно такие же попытки поменять правила игры и сменить элиту предпринимались в 1980-е гг. в самой Москве и в России.

В конце концов, советская власть в Средней Азии пала вовсе не из-за местного антиколониального сопротивления, а в результате решения самого Центра «отцепить окраины». Это достаточно редкий случай в истории империй.

Было ли политическое неравенство?

Вопрос о политическом неравенстве отчасти продолжает тему репрессий в отношении политической элиты, хотя не сводится только к ней. Действительно, возобновлявшиеся время от времени в среднеазиатских

республиках чистки и ротации управленческой верхушки инициировались, как правило, извне. Любые назначения и изгнания с должностей происходили почти исключительно по воле и под присмотром Москвы-Центра. Вся политическая система была выстроена в виде жёстко централизованной пирамиды, где последнее слово всегда и безусловно принадлежало одному человеку или консилиуму из нескольких человек (и стоящих за ними групп интересов), находившихся далеко за пределами самого региона и действовавших в интересах более крупного, чем сама Средняя Азия, государственного образования. Эта пирамида подразумевала минимальное и очень формализованное участие в управлении снизу, со стороны жителей региона, и, по возможности, максимальный контроль сверху.

Механизмов прямого внешнего управления было достаточно много. Среди известных примеров — Туркестанское и Среднеазиатское бюро ЦК РКП/ВКП(б), бывшие фактическими органами власти, действовавшими до 1934 г. параллельно с республиканскими институтами. Это и другие надреспубликанские институты, наподобие Среднеазиатского совнархоза при Хрущёве, Туркестанского/Среднеазиатского военных округов и т. д. Ярким примером внешнего управления были: практика назначения второго секретаря республиканской компартии из числа назначенцев «нетитульной национальности» и практика прямого назначения руководителей спецслужб. К этому же ряду можно отнести и посылку в республику разного рода временных союзных комиссий, и перевод стратегических предприятий на территории республик вместе с инфраструктурой и жителями под оперативное управление союзных, т. е. центральных, органов управления.

Но можно ли всё это однозначно назвать колониализмом? С одной стороны, политическое доминирование

Центра-Москвы не всегда и не во всех сферах жизни было тотальным и однонаправленным. Вместе с подчинением и контролем мы видим также создание разного рода политических коалиций с местными элитами, привлечение части элиты на свою сторону в обмен на некоторые бонусы, карьеру и признание тех или иных её интересов. Собственно говоря, само создание национальных республик со своими управленческими институтами и настойчивая политика коренизации, т. е. привлечения местных кадров в эти институты, означала именно определение этой самой автономии. Причём рамки автономности всегда обсуждались, а в 1960-1970-е годы они были существенно, как я уже упоминал, расширены. Более того, политическая элита республик кооптировалась в управляющую советскую верхушку, наделялась правами и привилегиями, которые позволяли ей чувствовать преимущество не только в своих республиках. Возникла практика общесоветской номенклатурной мобильности, в том числе из республик в центральные аппараты власти, вплоть до политбюро как высшего консилиума принятия решений.

С другой стороны, политическое неравенство в советское время совсем не обязательно имело культурную подоплёку. Формально все советские граждане были наделены одинаковыми правами и обязанностями, что само по себе было уже значительным шагом в сторону от колониальных систем. Централизованно управлялись не только республики, но и вообще все регионы и группы населения. Такой централизм в большей степени характерен как раз не для империй, где всегда сохраняются и поддерживаются местные нормы и обычаи, а для мобилизационных, тоталитарных государств нового времени. Советская идеология и политическая система предлагали всем гражданам СССР не просто более-менее равные возможности в использовании имеющихся институтов

и правил, но и приглашали активно участвовать в функционировании последних, поощряли активистскую карьеру. Имели место специальные программы поддержки и выравнивания статуса для разного рода меньшинств и периферийных районов; большое внимание, конечно, не без корысти и издержек, уделялось эмансипации женщин. Советская утопия, или идеальная модель общества, обещала каждому успешную перспективу, что многим людям привлекало и создавало осмысленные мотивации поведения.

Была ли экономическая эксплуатация?

В экономической сфере тоже совсем не было идиллии. Средняя Азия почти открыто рассматривалась в Москве-Центре в качестве источника своего и по возможности дешёвого сырья. В формуле «межреспубликанское разделение труда» региону отводилась роль аграрного комплекса, который должен был поставлять сырьё (технические сельскохозяйственные культуры, прежде всего и главным образом хлопок, шерсть, шёлк, овощи-фрукты, мясо и т. д.) для промышленных предприятий в других регионах СССР. Позже стала развиваться добыча полезных ископаемых, а вслед — машиностроительная и прочие индустрии. Последнее происходило с некоторым опозданием от индустриализации СССР в целом, причём в значительной мере становление промышленного сектора осуществлялось за счёт переселения в регион инженерных и рабочих кадров из России и Украины, что создавало как раз тот самый колониальный эффект разделения общества по культурному признаку, о котором идёт дискуссия.

Однако сам по себе аграрный характер экономики Средней Азии не говорит лишь о колониализме.

Политика изъятия сырья и произведённого продукта через насилие (плановые поставки и налоги), или неэквивалентный обмен в 1930-1940-е годы имел место во всех регионах и республиках СССР. Коллективизация, которая создала механизмы такого изъятия и, в том числе, сопровождалась голодом и экономическими потерями, тоже происходила везде, включая Россию и Украину, если их рассматривать в качестве метрополии. После Сталина ситуация стала улучшаться, людям стали платить устойчивую зарплату, были введены нормативы и правила, которые ограничивали сверхэксплуатацию. Повысились цены на сырьё, и в аграрную сферу были направлены немалые инвестиции для создания инфраструктуры, механизации, электрификации и т. д. Безусловно, исключительно важным изменением стало создание системы социальной защиты (пенсий, пособий), развитие системы среднего образования и доступной медицины. Наконец, сложился своеобразный «контракт», согласно которому государство получало то, что ему нужно, и требовало лояльности, но взамен приоткрывало возможности для неформальной экономической деятельности, которая в Средней Азии не прекращалась всю советскую эпоху. В 1950-1970-е годы эта полулегальная экономика приносила большие доходы, при этом, правда, создавая своеобразные классовые противоречия внутри местного общества.

Вся эта сложная композиция взаимных связей делает очень сложным однозначный ответ на популярный ещё с конца 1980-х гг. вопрос, кто кого «кормил» — республики России, если считать её условной «метрополией», или наоборот. В политическом дискурсе, о котором я говорил в самом начале, эту формулу используют противоположные стороны, но пока убедительных расчётов и исследований на эту тему мало. Мы можем лишь кон-

статировать противоречивый характер экономических связей, в которых смешались и колониальные отношения, и эксплуатация, и мобилизационная модернизация, и в чём-то небезуспешные попытки создания социального государства.

И ещё один аспект. Иногда для доказательства того, что «колонии» были скорее обузой, чем доходным предприятием, приводится тот факт, что после распада СССР республики Средней Азии оказались в очень печальном экономическом и социальном положении, одним из свидетельств чего является массовая миграция жителей независимых стран в Россию, т. е. как бы в бывшую «метрополию». Помимо прочего это напоминает миграцию жителей Северной Африки во Францию и жителей Южной Азии — в Британию, что выглядит как постколониальный процесс. Однако такой ретроспективный аргумент кажется по меньшей мере спорным. Сам распад СССР и последовавший за ним кризис, а потом подключение к неолиберальному глобальному порядку могли задействовать такие механизмы трансформации, которые актуализировали именно (нео)колониальные отношения и блокировали во многом продолжение модернизации и формирование социального строя, который продвигался, пусть непоследовательно и противоречиво, в советское время. Это произошло и в самой России, которая отказалась от сильной социальной политики и всё больше стала превращаться в поставщика сырья, — что позволяет многим говорить о колониализме уже в отношении неё самой.

Было ли культурное доминирование?

Вопрос о колониализме — это, прежде всего, вопрос о том, как выстраивается культурная граница

в отношениях подчинения. Это то, что в определении русскоязычной Википедии мимоходом упомянуто как эксплуатация «преимущественно инационального населения», а англоязычной — как неравенство «колонистов» и «местного населения». Без такой культурной границы подчинение может иметь классовую, политическую или какую-то иную сущность, но вовсе не колониальную, поскольку нет смысла всё, в чём есть неравенство, называть колониальным.

В проблематике развития культуры в советской Средней Азии мы тоже видим противоречивую картину, как и во всех предыдущих случаях. Перечислю несколько пунктов, которые могут указывать на колониальный статус региона. К их числу можно отнести репрессии в отношении многих представителей местной интеллигенции в 1920-1930-е годы. Самый мощный удар был нанесён по мусульманским лидерам, мусульманским институтам и мусульманской традиции, которые создавали фундамент всей досоветской культуры и мысли региона. На протяжении всего советского времени происходила интенсивная русификация: алфавит сначала был латинизирован, а с конца 1930-х гг. стал кириллическим; в школах было введено обязательное изучение русского языка; были созданы институциональные условия, при которых сколько-нибудь успешная карьера и социальная мобильность были возможны только при условии владения русским языком. Вместе с русским языком в местную жизнь проникли многие российские (а через неё и «западные») образцы искусства, литературы, науки и образования, бытовые нормы, которые стали влиять на развитие всей культурной «матрицы» уже в самой Средней Азии — в первую очередь в городах, но постепенно и в сельской местности.

Собственно говоря, именно эти две темы — снижение значения местных, «своих» языков в первую очередь

и ислама во вторую — наиболее болезненно воспринимались в регионе и всегда существовали в виде скрытого недовольства. Последнее иногда прорывалось в тех или иных публичных жалобах, протестах и требованиях интеллектуалов, которые имели место, в частности, уже в самом конце 1980-х и в 1990-1991-м гг. Именно это было основным полем сопротивления, которое выражалось в осуждении «манкуртизма», т. е. вольного или невольного забвения своего «происхождения».

Но и здесь, несмотря на очевидность русификации и борьбы с исламом, не всё так просто. Русское или российское приходило в Среднюю Азию часто как советское, т. е. наполнялось несколько иными смыслами, пусть утопическими, и позволяло через связь с этим универсальным (понимаемым как универсальное) советским избегать конфликтного самоотжествления с русским/российским или отторжения от него.

Автор термина «манкурты» — Чингиз Айтматов — был не подпольным антисоветским бунтовщиком, а вполне уважаемым советским деятелем, даже одним из наиболее ярких символов советского времени. И многие другие местные интеллектуалы, которые вполне справедливо сожалели об утрате многих культурных символов и недостаточной роли «своей» культуры, занимали те или иные позиции в официальных институтах, т. е. имели возможность влиять на общество и политику. Это влияние часто выражалось в создании культурных продуктов, которые входили в общесоветский культурный фонд и одновременно удовлетворяли потребность в укреплении своей личности и самости. Этот парадокс, который описывался формулой «национальное по форме, социалистическое по содержанию», был тем компромиссом, который позволял в какой-то мере учесть жалобы и требования культурной элиты. В рамках этой формулы оставалась возможность для обсуждения того, что в данный

момент является запретным, что разрешённым, а что желательным, а торг по этим пунктам и составлял — и не только в республиках, но и в России — сам культурный процесс. Примерно то же самое было и с созданным в 1943-44 годах Духовным управлением мусульман Средней Азии и Казахстана, который стал формой легализации ислама и религиозности.

В рамках этих компромиссов и переговоров в Средней Азии за советское время было создано множество культурных (в широком смысле, включая науку, образование, спорт, кино и пр.) образов и артефактов, причём самого выдающегося качества, которые получили публичное и официальное признание в самих республиках и в СССР, а отчасти и в мире. Оставаясь советскими, они принадлежали и местному обществу, принимались им как «свои», а не как навязанные извне колониальные стандарты, даже если такие стандарты можно в них обнаружить при внешнем рассмотрении.

Какая идентичность?

Вопрос об идентификации, т. е. самоопределении людей и формировании их идентичности, продолжает тему культуры и культурной границы как наиболее очевидных признаков колониальности. Выше уже прозвучал тезис о том, что местные жители имели формально равные права с другими гражданами СССР, но вместе с тем существовали различные формы взаимного отчуждения. Имели место и различные виды ориентализации среднеазиатских республик, их экзотизация как «других/восточных/азиатских/младших» даже в составе «братских народов», со всем сопутствующим этому процессу набором стереотипов и фобий о «неразвитости», «патриархальности» и «феодальных пережитках», «отсутствии настоящей

культуры», «отсутствии гигиены» и т. д. В России и других регионах СССР было очень слабое представление о том, как в реальности живут граждане этого далёкого региона, а высшие чиновники могли легко путать между собой разные республики, например Узбекистан с Таджикистаном. На бытовом уровне существовали ксенофобские и даже расистские разделения на «своих/чужих» в виде обидных прозвищ, бытовых конфликтов, строгих правил несмешения, — например, брачного.

Неоспоримые свидетельства взаимного отчуждения можно собрать в огромном количестве, что часто сегодня делается теми, кто называет советское время колониальным. Однако и фактов, говорящих об обратном, тоже совсем немало. Вместе с ориентализацией и экзотизацией происходило последовательное и активное внедрение/воспитание общесоветского универсализма, в котором культурные и фенотипические различия, по крайней мере в публичной сфере, отодвигались на второй план и даже нивелировались. Одним из ярких примеров этой двойственности/двусмысленности являются национальные идентичности, которые не просто были включены в советскость и наполнены советскими символами, но даже и конструировались при прямом содействии советского государства как его составные элементы. Ксенофобия и расизм официально преследовались и не возводились в норму, рассматривались как отклонения от неё; колониализм критиковался — правда, как чужая проблема. В повседневной жизни между представителями разных культурных сообществ возникали и приятельство, и близкая дружба, и даже родство, происходило множество взаимодействий, которые создавали общие привычки и практики, и совместные идентичности тоже.

Другим словами, советское общество не было строго иерархизированным в соответствии с культурными (этни-

ческими, религиозными, региональными) принципами. Оно имело и другие деления (социальные, профессиональные, образовательные), через которые группы выстраивали свои идентичности. Кроме того, существовала активная горизонтальная и вертикальная мобильность, приводившая к пересечению границ, общению и смешению.

Интересным и показательным для анализа процессов идентификации мне представляется тот факт, что в нынешних государствах постсоветской Средней Азии сами её элиты и жители не очень охотно стремятся называть себя колониальными и постколониальными. Признавая жестокость и несправедливость, бытовавшие в советское время, публикуя книги и снимая фильмы об этом, специально создавая музеи, посвящённые репрессиям, в этих странах всё равно отвергают ярлык «колониальности» по отношению к себе и чаще предпочитают говорить о тоталитаризме, в котором уже нет культурного разграничения и скорее речь идёт об эксцессах сталинского периода. Возможно, это объясняется сегодняшней, в условиях трудных времён, ностальгией по советской стабильности и социальному государству, которые были отчасти реальными, а отчасти воображаемыми. Возможно, это результат российской пропаганды, которая через выборочную пропаганду советского продвигает свои нынешние интересы. Тем не менее, сам по себе массовый, хотя и не единодушный, отказ рассматривать себя в качестве бывшей колонии говорит нам о том, что среднеазиатское общество в значительной своей мере приняло многие черты советской социализации и сформировало собственную советскую идентичность. Это советское самоопределение было противоречивым, но оно было.

Когда же спор закончится?

Итак, мы имеем набор аргументов, которые вполне вписываются в общие, хотя бы в версиях русской и англоязычной Википедии, представления, что такое колониализм. И мы имеем также аргументы, которые скорее опровергают колониальный характер СССР. Обе стороны — выступающие за или против — могут сослаться на бесспорные факты и выглядеть достаточно убедительно. Но как тогда быть, — ведь эти две точки зрения находятся или формируются в оппозиции друг к другу, активно оспаривают друг друга? Очевидно, на мой взгляд, что мы должны признать факты, которые предлагаются с обеих сторон, но при этом выработать какую-то третью точку зрения, в которой приведённые доказательства не будут находиться в непримиримом конфликте, а вступят в диалог.

Для выхода из самовоспроизводящейся и потому тупиковой дискуссии «за или против» следует, как мне думается, настроить своё зрение таким образом, чтобы увидеть и принять противоречивый, неоднозначный, сложный характер советского — сложный и в смысле его временной этапности, и пространственного разнообразия, и сосуществования конкурирующих проектов, личных опытов и тенденций. В этой неоднозначности было место и неравенству вместе с попытками его преодоления, и колониальности вместе с антиколониальными практиками, и массовым политическим ограничением, вплоть до репрессий, вместе с массовой же социальной мобильностью, и строительству наций вместе со строительством наднациональной общности. Мы должны видеть: и прямое, и косвенное насилие или принуждение — и одновременно политику переговоров, альянсов и обменов; и ошибки, и преступления, и провалы — и одновременно достижения и грандиозные планы на будущее; и строгие иерархии, и централизм —

и одновременно конкуренцию и автономность; и обиды, и страдания — и одновременно радость и энтузиазм; и ограбление, и безжалостную эксплуатацию — и одновременно развитие, строительство, модернизацию.

В разные периоды, в разных регионах и в разных ситуациях соотношение всех элементов выглядело по-своему и быстро менялось, что должно быть предметом специальных детальных исследований вместо схематичных обобщений.

В этой советской сложности нет какой-то исключительности. Страны, которые мы считаем «классическими» колониальными империями, тоже были противоречивыми и неоднозначными, внутри них тоже были разные тенденции, опыты и проекты, и отношение к их наследию тоже было и остаётся различным. Нет, на мой взгляд, никакой необходимости и никаких методологических оснований приписывать СССР какое-то уникальное — неважно, с положительным или отрицательным знаком (которые легко меняются местами) — место в истории XX столетия. Все страны, включая советское государство, проходили общий путь, в котором были и элементы колониализма, и национализма, и мобилизационной модернизации, и фашизма, и социального государства.

Но, отказываясь приписывать советскому уникальность и исключительность, мы вправе отметить специфику и особую, даже в чём-то незаурядную, роль СССР в этом историческом раскладе. Наверное, как о специфической черте мы можем говорить об особой роли идеологии, которая позволила провести сверхмобилизацию советского населения на разного рода экономические, политические и военные действия, что привело и к быстрому развитию экономики, и к её неизбежным внутренним дисбалансам. Мы можем заметить очень высокий уровень социальных гарантий, которые взяло на себя государство, в итоге, возможно, не справившись с этим бременем. Возможно, именно эти

особенности превращали советского человека в особый тип личности, в которой не было ярко выраженного внутреннего разлада, возникшего из-за неспособности принять порядок вещей с колониальными делениями на «своих» и «чужих». Я оставляю данный вопрос открытым и требующим дополнительного анализа. Вдогонку лишь упомяну, что СССР оказался важным притягивающим и отталкивающим примером, который колоссально влиял на все мировые процессы в прошлом веке, и сам, соответственно, испытывал влияния на себе и вписывался так или иначе в складывающийся глобальный порядок.

Что касается колониальности, то я предложил бы такую формулу: она, колониальность (в виде тех или иных практик, институтов или событий), безусловно, была в советском, но само советское далеко не исчерпывалось колониальным и не сводилось к нему. В некоторые периоды и в некоторых ситуациях колониальный характер отношений мог усиливаться или представляться значительнее, но в целом в советское время такого рода отношения не были доминирующим фактором и структурообразующим фундаментом, определявшим всю государственную политику и всё устройство повседневной жизни. Другое дело, что мы узнаём постколониальный характер сегодняшней ситуации нередко гораздо более отчётливо, чем колониальный характер советского, т. е. постколониализм является самостоятельным явлением и возникает, видимо, из совокупности современных условий, а не обязательно исключительно напрямую из советского прошлого. С распадом СССР многие процессы, которые происходили или начинали разворачиваться в его рамках, были прерваны, исчерпали себя или потерпели неудачу, а колониальные практики и представления оказались в итоге заметнее и вдруг проявились в новых формах, например, в миграции из Средней Азии и в от-

ношении к мигрантам в России. Что подобный итог был закономерен и уже заложен в логику трансформации советской системы — вывод не такой очевидный. Я вижу историю более вариативной и менее детерминированной, а её последствия — не предопределёнными изначально.

Конечно, если реалистично смотреть на нынешнее состояние умов и вспомнить опять о сегодняшнем политическом контексте, с чего я начал своё эссе, то не стоит надеяться, что вспыхивающая время от времени дискуссия о советском и колониальном скоро завершится и забудется. Скорее уж можно наблюдать некоторую радикализацию мнений в условиях усиления нестабильности/турбулентности в мире и в странах евразийского континента. Я лишь пытался наметить очертания того типа рассуждений, которые могли бы служить мостиком для конструктивного диалога. Может быть, пригодится.

Об авторах

Сергей Абашин (1965)

Доктор исторических наук, именной профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге. Автор монографий «Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности» (Санкт-Петербург, 2007) и «Советский кишлак: между колониализмом и модернизацией» (Москва, 2015), а также множества статей и выступлений. Предметом исследовательских интересов является история трансформаций в Средней Азии в XX столетии, в настоящее время активно занимается исследованиями миграции. Живет в Санкт-Петербурге и Москве.

Нина Багдасарова (1963)

Кандидат психологических наук, преподает на кафедре психологии Американского университета Центральной Азии (АУЦА). Авторка учебных программ для вузов и статей, опубликованных в отечественных и зарубежных журналах («Неприкосновенный запас», «Киноведческие записки», «Курак» и др.); коллективной монографии «Психология познания»; а также текстов для альманаха Штаба № 1 «Вернуть будущее» и сборника «Бишкек утопический». Активно участвует в социальных проектах в сфере управления этническим многообразием, гендерного равенства, расширения возможностей для людей с ограниченными возможностями. Живет в Бишкеке.

Михаил Кербиков (1981)

Кандидат исторических наук, работает в Ярославском историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике. Автор ряда статей по региональной истории, истории повседневности и межкультурной коммуникации. Соавтор двух проектов, получивших грант фонда В. Потанина – «Голоса и лица Первой мировой в семейной памяти» и «Предметный разговор». В сферу научных интересов входит история края в первой половине XX в., устная история, семейная память, стратегии выживания в годы Второй мировой войны. Живет в Ярославле.

Креольский центр (2013)

Руфь Дженрбекова (1973)

Родилась в Алма-Ате в брежневскую эпоху. Закончила биофак КазГУ и аспирантуру при кафедре экологии. Позже училась на литературных семинарах школы фонда «Мусaget» (куратор Ольга Маркова, Алматы) и в летней кураторской школе фонда V-A-C (куратор Виктор Мизиано, Москва). С 1998 года участвует в разнообразных творческих и образовательных проектах. Считает себя художницей-концептуалисткой. Пишет тексты, читает лекции, исполняет роли в публичных мероприятиях разного формата, создает аудио- и видеоработы.

Мария Вильковская (1971)

Поэтесса, перформерка, кураторка. Родилась в Алма-Ате. Окончила алматинскую государственную консерваторию им. Курмангазы. Девять лет проработала в яме алматинского оперного театра. Дополнительное образо-

вание: литературная школа «Мусагет» (2008), Московская летняя кураторская школа (2013). С 2011 года курирует выставки современных центральноазиатских художников, образовательные проекты в области современного искусства. С 2013 г. совместно с Руфью Дженрбековой представляет Креольский культурный центр. Участница первого алматинского слэма (2007), поэтических фестивалей «Полифония» и «Созыв». Публиковалась в журналах «Воздух», «TextOnly», «Аполлинарий», «Знаки», газете «Ышшо Одын», на портале «Мегалит». Авторка сборника стихотворений «Именно с этого места» (Алматы, 2014). Живет и работает в Алматы.

Диана Кудайбергенова (1986)

Получила степень PhD по социологии в Кембриджском университете, специализируется на исследованиях в области культурной и политической социологии. Авторка работ по исследованию национализма на постсоветском пространстве, дискурсам власти и элит, а также социологических исследований в сфере коммуникаций и идеологии.

Георгий Мамедов (1984)

Художественный руководитель Штаба, куратор, исследователь, преподаватель. Кавалер ордена Искусств и литературы Министерства культуры и коммуникаций Франции (2015). Соавтор книги «Квир-коммунизм это этика» (Москва, 2016), соредактор и автор текстов сборника «Бишкек утопический» (Бишкек, 2015) и альманаха Штаба № 1 «Вернуть будущее» (Бишкек, 2014). В числе кураторских проектов: Центральноазиатский павильон на Венецианской биеннале

(2011) и междисциплинарный проект «Художник – Общество» (2010-2012). Сфера интересов – визуальная культура, квир-теория, футурология. Живет в Бишкеке.

Анара Молдошева (1965)

Получила образование по специальности «История». Активистка женского движения и независимая исследовательница. Работает с различными местными НПО и международными агентствами по развитию с середины 90-х гг. Области интереса: продвижение прав женщин, гендерные подходы и исследования. Живет в Бишкеке.

Михаил Мыльников (1993)

Социолог, активист низовых природоохранных и общественных инициатив. Аспирант философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова по специальности «Политология». В сферу научных интересов входят экосоциология, environmental history, экополитология, политическая культура и идеология, социальные движения, политическая коммуникация и лингвистика. Живет в Москве.

Надя Плунгян (1983)

Историк искусства, куратор. Окончила факультет истории искусств РГГУ. В 2009 защитила кандидатскую диссертацию о довоенном репортажном рисунке в Государственном институте искусствознания, где работает на должности старшего научного сотрудника. Область интересов – живопись и графика 1930-1950-х гг., проблемы социального исключения в искусстве. С 2008 г. – участница Московской феминист-

ской группы. Совместно с Викторией Ломаско – кураторка серии выставок «Феминистский карандаш» (Москва-Осло-Санкт-Петербург-Мурманск) и «Постсоветские Кассандры» (Берлин, 2014), а также нескольких выставок Квирфеста в Санкт-Петербурге (2011-2013). Живет в Москве.

Мохира Суяркулова (1982)

Доцент кафедры «Международная сравнительная политика» и координатор исследовательской работы Института изучения Центральной Азии Американского университета Центральной Азии (АУЦА). Получила степень PhD в области международных отношений в Сент-Эндрюсском университете (Великобритания). Авторка работ по международным отношениям, современной политике и гендерным исследованиям, опубликованным в отечественных и зарубежных рецензируемых журналах и изданиях. Участница коллектива феминистского самиздатовского журнала (зина) «Weird Sisters». Живет в Бишкеке.

Аминат Чокобаева (1984)

Аспирантка Австралийского национального университета в Канберре. Занимается изучением социалистического строительства в советской Киргизии довоенного периода. В сферу исследовательских интересов входят: история колониальной Средней Азии, советское государственное и национальное строительство, советская историография национальных движений. Живет в Канберре.

Оксана Шаталова (1972)

Художественная руководительница Штаба. Фото- и видео-художница, участница более 50 выставок в ЦА и за ее пределами, включая две персональные; фото-работы включены в коллекцию музея современного искусства Casoria (Неаполь); лауреатка Премии Принца Клауса (2015, Нидерланды). Соавторка книги «Квир-коммунизм это этика» (Москва, 2016), соредаторка и авторка текстов сборника «Бишкек утопический» (Бишкек, 2015) и альманаха Штаба № 1 «Вернуть будущее» (Бишкек, 2014), а также статей во многих изданиях по культуре и искусству, каталогах региональных и интернациональных выставок. Курировала Павильон Центральной Азии на 54-ой Венецианской биеннале и центральноазиатский фото-проект Stills. Участница коллектива феминистского самиздатовского журнала (зина) «Weird Sisters». Сфера интересов – культурология, гендерные исследования. Живет в Рудном и Бишкеке.

Татьяна Щурко (1984)

Социологиня, независимая исследовательница. Аспирантка департамента женских, гендерных и сексуальных исследований в Университете Огайо (Колумбус). Активистка феминистской инициативы «Гендерный маршрут». Постоянная авторка интернет-журнала «Новая Европа» и сайта экспертного сообщества Беларуси «Наше мнение». В сферу научных интересов входят проблемы, связанные с социологией тела и сексуальности, системой образования.

Альманах Штаба № 2
Центральноазиатское
художественно-теоретическое издание

Понятия о советском в Центральной Азии

Составители и редакторы:

Георгий Мамедов, Оксана Шаталова

Координация и менеджмент:

Асель Акматова, Самат Мамбетшаев

Корректор: Оксана Шаталова

Дизайн и верстка: Юрий Дармин

Перевод на английский: Мохира Суяркулова

Перевод на кыргызский: Фарида Сулайманова

Благодарность:

КНМИИ им. Г. Айтиева, ЦГА КФФД КР

ЦГА ПД КР, ЦГА КР

Чарльз Бакстон

Нелли Бекус

Галина Васильченко

Александр Вольтерс

Сарина Дайырова

Светлана Жаксон

Дмитрий Кавтарадзе

Айжибек Кимсанова

Петер Линке

Анжелина Лученто

Сайкал Малик кызы

Дастан Мамбеталиев

Алла Митрофанова

Меелис Муху

Глеб Напреенко

Кристина Норман

Алексей Радинский

Тимофей Раков

Ирина Сохань

Зулайхо Усманова

Тина Фарни

Татьяна Федорова

Айпери Шарипова

Джон Шоберлайн

Штаб

Адрес: Кыргызстан, Бишкек,

ул. Московская, 147-5

Тел.: +996 (312) 976803

art.initiatives.bishkek@gmail.com

www.art-initiatives.org

Тираж: 300 экз.

Отпечатано в типографии "Adver Print"

Во втором альманахе Штаба (Школы творческой актуализации будущего) представлены результаты большого проекта «Понятия о советском в Центральной Азии», включавшего три международных симпозиума в 2015-2016 гг. Сверхзадачей проекта была выработка «диалектически емкого» языка для осмысления советского, — понятийного инструментария, который схватывал бы как эмансипационное, так и репрессивное советского проекта, и учитывал его локальные проявления. Альманах в соответствии с темами симпозиумов разбит на три раздела — «Колониальный вопрос», «Гендерный порядок» и «Коммунистические обещания» и включает тексты исследовательниц и исследователей из Кыргызстана, Казахстана, Беларуси и России. Среди предлагаемых и актуализируемых понятий — «радикальный социальный конструктивизм», «колониальная революция», «Трансоксиана», «советская женщина», «трансмаскулинность», «страдание по-советски», «коммунистические обещания» и др.

«Понятия о советском в Центральной Азии» — это книга о том, как искать в прошлом будущее. Ее создатели поставили вопрос, могут ли элементы советского опыта стать частью постсоветского левого проекта. Они ищут ответы на этот вопрос, опираясь на скрупулезный анализ не только реальных практик того времени, но и собственно коммунистических обещаний.

Елена Гапова — основательница Центра гендерных исследований Европейского гуманитарного университета (ЕГУ), авторка сборника «Классы наций: феминистская критика нациостроительства» (НЛО, 2016)